

Контракт на душу

Патяна Дубинина

Татьяна Дубинина

Контракт на душу

<https://litres.ru/74042351>

SelfPub; 2026

Аннотация

— Константин Игоревич, я от вас ухожу.

Слова, произнесённые в солнечном кабинете над морем, были твёрдыми и окончательными. Они разрезали воздух, наполненный запахом соли, острее любого ножа.

Высокий, широкоплечий мужчина у окна обернулся. В его тёмных глазах — не было гнева, а лишь медленное недоумение, будто он услышал сообщение о крушении закона гравитации.

— Что? — прозвучало глухо. — Анна, хватит шутить.

Маленькая, темноволосая женщина в дверях не дрогнула. Её зелёные глаза, которые он когда-то в шутку назвал «эльфийскими», смотрели на него без привычной преданности. Только с усталой, выстраданной решимостью.

— Я не шучу. Я увольняюсь. Сегодня.

Он сделал шаг вперёд, и комната словно уменьшилась.

— Почему? — спросил он, и в его голосе зазвучали нотки того властного, уверенного в себе человека, каким он был давно. — Деньги? Назови сумму. Я удвою. Дети они тебя обожают.

— Это не про деньги, Константин. И не только про детей, — её голос дрогнул, но не сломался.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2 Первый день, пять лет назад	7
Глава 3	13
Глава 4	18
Глава 5	23
Глава 6	29
Глава 7	35
Глава 8	40
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Контракт на душу

Глава 1

— Константин Игоревич, я от вас ухожу.

Слова, произнесённые в солнечном кабинете над морем, были твёрдыми и окончательными. Они разрезали воздух, наполненный запахом соли, острее любого ножа.

Высокий, широкоплечий мужчина у окна обернулся. В его тёмных глазах — не было гнева, а лишь медленное недоумение, будто он услышал сообщение о крушении закона гравитации.

— Что? — прозвучало глухо. — Анна, хватит шутить.

Маленькая, темноволосая женщина в дверях не дрогнула. Её зелёные глаза, которые он когда-то в шутку назвал «эльфийскими», смотрели на него без привычной преданности. Только с усталой, выстраданной решимостью.

— Я не шучу. Я увольняюсь. Сегодня.

Он сделал шаг вперёд, и комната словно уменьшилась.

— Почему? — спросил он, и в его голосе зазвучали нотки того властного, уверенного в себе человека, каким он был давно. — Деньги? Назови сумму. Я удвою. Дети они тебя обожают.

— Это не про деньги, Константин. И не только про детей, — её голос дрогнул, но не сломался. — Я устала находиться

в этом мавзолее памяти. Мне надоело быть тенью. Тенью вашей жизни, которую вы продолжаете хоронить. Мне нужна моя жизнь. Мне предложили должность в Москве, управляющей большой гостиничной сети.

— Москва? — он произнёс это слово с лёгким презрением, как будто это было какое-то болото. — Ты с ума сошла. Что ты там будешь делать одна? Дети Лера и Юра Они тебя обожают. Ты для них как

— Как замена матери? — она закончила за него, и в горле встал ком. — Нет, Константин. Я не хочу быть заменой. Я хочу быть собой. А здесь я — тень. Тень Кати, тень вашей прежней жизни, тень того, кем вы могли бы стать. Мне тяжело это видеть. Может быть если вы когда-нибудь решитесь снова жить полной жизнью, а не отбывать её тогда тогда, возможно, мы снова увидимся. А пока — я ухожу.

Она резко развернулась и вышла из кабинета, не дав ему времени на ответ. В последний миг её взгляд скользнул по сломанному дивану в углу кабинета. В памяти вспыхнуло жгучее, стыдное воспоминание, почти недельной давности. Его пьяные слова, перешедшие в отчаянные ласки. Его вес, его запах, его шёпот. А на следующий день — пустой, ничего не помнящий взгляд. «Диван, кажется, сломался. Закажи новый».

Это и стало последней каплей.

Она вышла, не прощаясь с детьми, чей смех доносился с террасы. Это было бы слишком больно для них и для неё.

Щелчок двери был тихим, но для Константина — оглушительным.

Он остался один посреди своего неидеального, но безопасного мира. Тишина после её ухода была оглушающе пустой. И в этой пустоте начало прорастать осознание того, что только что ушло не призрачное прошлое, а самое что ни на есть настоящее.

Глава 2 Первый день, пять лет назад

Приёмная в офисе «Бесконечный горизонт» в Геленджике больше напоминала холл дорогого отеля, чем место для собеседований. Анна, сжимая в потных ладонях папку с резюме, чувствовала себя букашкой на глянцевом паркете. Воздух был прохладен от кондиционеров и густо замешан на запахе дорогого парфюма.

Она украдкой оглядела конкуренток. Их было пятеро. Все — воплощение гламурной черноморской мечты: загорелые ноги на умопомрачительных каблуках, идеальный макияж, лёгкие платья, подчёркивающие каждую линию. Они перешёптывались, бросая на неё оценивающие, слегка презрительные взгляды. Анна сидела, прямая как струна, в своём единственном дорогом костюме — деловом, тёмно-синем, купленном на последние деньги. На ногах — удобные чёрные балетки. Волосы собраны в тугий пучок, на лице — минимум тонального крема и прозрачный блеск для губ.

Она всё продумала. Тщательно изучила своего потенциального босса. Константин Игоревич Орлов. Тридцать лет. Владелец трёх самых модных отелей на побережье. Женат. Двое детей-близнецов, годовалые Лера и Юра. В Сети гуля-

ли их семейные фото: он, высокий и улыбчивый, с безумно красивой женой Екатериной на пляже у моря. Идеальная картинка. Анна сделала вывод: такому мужчине, счастливому семьянину, вульгарная ассистентка на каблуках не нужна. Ему нужен эффективный, незаметный, бесполой, в хорошем смысле слова, сотрудник. Профессионал. Именно этим она и решила блеснуть.

Вакансия личного ассистента сулила не просто огромную по местным меркам зарплату. Это был шанс. Билет в мир реального гостиничного бизнеса. Её мечта, с детства, была — своя мини-гостиница. У родителей был гостевой дом, прямо на одном участке с их домом, в горах Адыгеи. Ей нравилось встречать и провожать гостей, водить их в походы, показывая местные достопримечательности. Поэтому, мечтая о своей гостинице — уютной, небольшой, с духом места, она поступила в сочинский университет на факультет гостиничного дела. И блестяще его окончила. Но для осуществления мечты нужны были не только знания из университета, но и опыт. Профессиональный, практический, изнутри. Быть правой рукой у Орлова, который с нуля выстроил империю за несколько лет, — лучшей практики и придумать нельзя.

— Анна Соколова? Проходите.

Секретарь кивнула ей. Анна встала, отряхнула несуществующую пылинку с юбки и сделала глубокий вдох. «Профессионализм. Только профессионализм», — прошептала

она про себя мантру.

Она вошла в кабинет и замерла.

Пространство было огромным и светлым, с панорамным видом на море. Но не это поразило её. Поразил он.

Константин Орлов стоял у окна, разговаривая по телефону. На экране компьютера он казался просто очень успешным мужчиной. Вживую он был монументальным. Высоким настолько, что, кажется, макушкой она едва ли достала бы до его подбородка. Широкие плечи под белой рубашкой, тёмные, чуть выющиеся волосы, сильные руки. Он обернулся, кивнул ей, жестом предлагая сесть, и продолжил разговор.

И в этот момент Анну накрыло ледяной волной прозрения. Это была ошибка.

Все её расчёты, вся стратегия рассыпались в прах. Потому что влюбиться в этого человека было проще простого. Не в картинку из журнала, а вот в этого живого гиганта с низким, спокойным голосом и усталыми, но очень умными глазами. Он был магнитом. Сильным, опасным.

И он был абсолютно, полностью, счастливо занят. Занят любовью к жене, которую, как писала пресса, он боготворил. Занят радостью отцовства. В его мире для глупой влюблённой помощницы не было и не могло быть места.

«Уходи, — прошептал внутренний голос. — Уйди сейчас, пока не поздно. Ты будешь каждый день видеть его, помогать ему, и в итоге разобьёшь себе сердце. Оно тебе не нужно. Тебе нужен опыт, а не драма».

Но ноги не слушались. Она медленно опустилась в кресло напротив его стола, положила на колени идеальное резюме с красным дипломом и отличными рекомендациями. Мечта о своей гостинице в горах перевесила голос разума. Риск, подумала она. Но игра стоит свеч.

Он закончил звонок, сел и взял её резюме. Его взгляд скользнул по первой странице, потом поднялся на неё.

— Анна Михайловна. Выпускница Сочинского университета. Очень высокие баллы, — его губы тронула лёгкая, одобрительная усмешка. — Почему я? С таким резюме вас бы с руками оторвали в любой крупной сети.

Она выпрямила спину, глядя ему прямо в глаза, стараясь не обращать внимания на странное ощущение где-то под сердцем.

— Потому что я хочу учиться не в корпорации с прописанными инструкциями и методичками, а у человека, который построил бизнес с нуля. У того, кто понимает, что такое гостеприимство не на бумаге, а в действии. Я хочу видеть, как всё работает изнутри. Мой долгосрочный план — своё дело. А короткий — стать для вас самым эффективным инструментом, чтобы вы могли больше времени уделять стратегии развития и семье.

Он внимательно слушал, откинувшись в кресле. Потом задал ещё несколько острых, каверзных вопросов о работе с претензиями, управлении кризисами. Она отвечала чётко, подкрепляя теорию примерами из практики в родительском

гостевом доме.

Наконец, он отложил резюме.

— Вы не похожи на других кандидатов, — констатировал он. — Вы пришли работать. А не искать лёгкой жизни или чего-то ещё. Это ценно. Особенно сейчас, когда у меня полный дом забот с близнецами, — в его глазах на мгновение мелькнула тёплая улыбка, от которой у Анны ёкнуло внутри. — Работа предстоит ненормированная, часто срочная. Вы справитесь?

— Безусловно, — ответила она, заглушая внутренний крик радости.

— Отлично. Поздравляю, вы приняты. Первый рабочий день — завтра. Секретарь выдаст вам все документы.

Он протянул ей руку для рукопожатия. Его ладонь была огромной, тёплой и сухой. Её пальцы почти потерялись в ней.

— Спасибо за доверие, Константин Игоревич, — сказала она, стараясь, чтобы голос не дрогнул.

— Спасибо, что выбрали нас, — он улыбнулся уже поделовому, отпуская её руку.

Анна вышла из кабинета, прошла мимо удивлённых взглядов ещё не опрошенных красавиц. Она получила работу своей мечты. Шаг к своей цели. Но почему-то на душе было не радостно, а тревожно и щемяще. Она получила доступ в самое сердце мира человека, в которого влюбиться было бы смертельно опасно. И она уже знала — её осторожный,

продуманный план дал первую трещину.

Глава 3

Первый год пролетел в вихре дел, звонков, поездок между отелями и бесконечных списков. Идея Анны оказалась верной на все сто: быть «правой рукой» Константина Орлова было лучшей бизнес-школой в мире.

Он и правда успевал всё. Анна наблюдала за этим с восхищением, смешанным с лёгким головокружением от темпа. Утром — стратегическая встреча с инвесторами в Сочи, где он, холодный и безупречно аргументированный, отстаивал новые проекты. Днём — инспекция строящегося ресторана в Геленджике, где он мог на ходу заметить ошибку в планировке, которую не видели прорабы, и тут же, на коленке, набросать исправление. Вечером — он мчался домой, к жене и годовалым близнецам, и Анна видела, как его лицо менялось по дороге: деловая резкость сглаживалась, появлялась та самая, тёплая улыбка.

Её роль заключалась в том, чтобы этот безумный маховик вращался без сбоев. Она выстроила его график с точностью до минуты, научилась предугадывать его потребности. Знала, что перед сложными переговорами ему нужен крепкий двойной эспрессо без сахара, а после удачной сделки — минералка с лаймом. Она фильтровала входящие звонки и письма, отделяя критически важное от фонового шума. Она сопровождала его на некоторые встречи, молча делая помет-

ки, и он потом спрашивал её мнение: «Аня, как ты думаешь, этот подрядчик нам врет про сроки?»

Он доверял ей всё больше. Сначала это были лишь логистика и расписания. Потом — подготовка квартальных отчётов для него. Затем — самостоятельные переговоры с мелкими поставщиками. Он не бросал её в воду, а медленно, шаг за шагом, вел на глубину, всегда находясь рядом, готовый поддержать. Он объяснял ей подоплёку своих решений, делился принципами: «В нашем бизнесе, Аня, важно не то, что гость видит, а то, что он чувствует. Чувство безопасности, предсказуемости и лёгкой радости. Это дороже мрамора в лобби».

Анна училась жадно, впитывая каждое слово. Она видела, как теория из университета сталкивается с живой, а иногда и грязной практикой, и выходит из этих столкновений закалённой сталью. Она вела свой собственный блокнот, куда записывала не только рабочие моменты, но и эти его уроки, его философию.

И параллельно, в глубине души, шла другая, тихая работа. Работа по укрощению собственного сердца.

Видеть его ежедневно — было и восторгом, и пыткой. Восторгом — потому что он был блестящим. Сильным, умным, справедливым. Он никогда не повышал на неё голос, даже когда она, поначалу, ошиблась с бронированием перелёта большой группы, стоившим компании крупного штрафа. Он лишь тяжело вздохнул, сказал: «Исправляем. Запом-

ни: проверяем лично, трижды». И помог всё уладить.

Пыткой — потому что его любовь к жене была не картинкой из журнала, а живой, дышащей реальностью. Он рассказывал о ней в редкие минуты затишья, глядя на фото в телефоне: «Катя сегодня с детьми на море, говорит, Юра пытается есть песок, а Лера его воспитывает». В его голосе звучала такая нежность и такая гордость, что у Анны сжималось сердце. Она видела Катю несколько раз, когда та заезжала в офис. Женщина была не просто красивой. Она была сияющей. Полной той самой лёгкой радости, о которой говорил Константин. И он смотрел на неё так, будто она была центром его вселенной.

Анна научилась прятать свои чувства за броней безупречного профессионализма. Она стала для него идеальным инструментом: предсказуемым, незаменимым, незаметным. Она отшивала ухажеров, которые появлялись в её жизни, потому что каждый невольно проигрывал сравнения с Константином. Никто не был так умен, так решителен, так целостен.

Между ними установились те самые тёплые, доверительные, но строго деловые отношения. Он мог с ней посоветоваться, поделиться идеей. Она могла осторожно не согласиться, если была уверена в своей правоте. Он ценил это. Иногда он шутил, называя её «мой мини-мозг» или «голос здравого смысла». Она смеялась в ответ, но внутри каждый раз замирала от того, что у них есть свои, общие шутки.

К концу первого года она уже не просто планировала его

график. Она управляла частью операционной деятельности отелей. Он представлял её партнёрам: «Моя правая рука, Анна. Если что-то нужно срочно — решает она». И в этих словах не было преувеличения.

Как-то раз, поздно вечером, когда они вдвоём доделывали презентацию для важного инвестора, он откинулся в кресле и сказал, глядя куда-то в потолок:

— Знаешь, Ань, я сначала сомневался. Брать на такую должность вчерашнюю выпускницу. Но ты ты оказалась сделанной из того же сплава, что и я. Терпеть не можешь проигрывать и учишься со скоростью света. Спасибо.

Это «спасибо» и этот взгляд, полный искреннего уважения, стали для неё самой большой наградой. И самой страшной ловушкой. Потому что она поняла: она не просто влюбилась в красивого, успешного мужчину. Она полюбила этого конкретного человека — с его умом, его ценностями, его преданностью семье. И вырваться из этой ловушки с каждым днём становилось всё невозможнее.

Она добилась всего, о чем мечтала, устраиваясь на работу: бесценный опыт, доверие босса, рост компетенций. Но её план дал новую, неожиданную трещину. Она планировала взять у него знания и уйти строить свою мини-гостиницу в волшебных горах Адыгеи. Теперь же мысль об уходе вызывала не радость предвкушения, а холодную тоску. Уходить от него означало не просто сменить работу. Это означало вырвать часть себя. А до этого, как она всё ещё наивно полага-

ла, было очень далеко. Впереди был второй год, третий целая жизнь, казалось тогда, бок о бок с человеком, который навсегда останется для неё недостижимым хозяином, учителем и тихой, личной трагедией.

Глава 4

Второй год начался с безобидной родинки на плече Екатерины. Потом была консультация дерматолога в Сочи, быстрая биопсия, и мир, яркий и прочный, как вилла «Орлиный утёс», дал трещину, которая за несколько дней разверзлась в пропасть. Диагноз: меланома. Агрессивная стадия.

Для Константина это стало войной. Войной, которую он, привыкший побеждать, был намерен выиграть любой ценой. Он отменил все проекты развития, отложил контракты. Его энергия, прежде распределявшаяся между семьёй и бизнесом, теперь была сфокусирована в одну точку: спасти Катю. Он находил лучших врачей в России, летал с ней на консультации в Германию и Израиль, скупал препараты, которых не было в стране. Его лицо стало резким, глаза — впавшими, но в них горел стальной огонь решимости. «Деньги могут всё», — казалось, говорил его каждый жест. — «Значит, они купят ей жизнь».

А для Анны этот год стал временем полного растворения. Её роль перестала быть просто профессиональной. Она стала всем. Правой рукой, левой, головой и сердцем. Она превратилась в тень, которая держала на своих плечах рухнувшую реальность.

На работе: Она стала Константином Орловым. Она вела переговоры с партнёрами, стараясь, чтобы голос не дрогнул,

когда те спрашивали: «А где Константин?». Она подписывала документы, которые он просматривал мельком между вылетами. Она улаживала кризисы в отелях, принимала кадровые решения, решала финансовые вопросы. Она научилась подражать его стилю — чёткому, бескомпромиссному, но справедливому. Она спала по четыре часа, её телефон был включён всегда. Мир «Бесконечного горизонта» держался на её хрупких, но ставших стальными плечах.

Дома: Она стала мостом между умирающей матерью и не понимающими ничего детьми. Катя, теряя силы от химии и лучевой терапии, просила её: «Аня, побудь с ними. Расскажи им, что мама просто немного болеет». Анна приходила на виллу, где царила давящая тишина, нарушаемая только плачем или странным, слишком тихим бормотанием двухлеток. Лера и Юра, такие весёлые и шумные раньше, теперь ходили по дому, как маленькие призраки. Они скучали по маме, которую видели всё реже, и по папе, который был рядом, но весь обращён внутрь, к своему страху и ярости.

Анна искала няню. Не одну. Пятую, шестую. Каждая казалась недостаточно чуткой, недостаточно чистой, недостаточно любящей. В итоге она взяла этот груз на себя. Она сама кормила их ужином, купала, читала сказки на ночь, ложась между двумя маленькими кроватками держа их за руки. Они засыпали, вцепившись в её пальцы. Она ловила себя на мысли, что слушает их дыхание, как слушают дыхание собственного ребёнка. И однажды ночью, когда Юра во сне всхлип-

нул и прошептал: «Мама», а потом, открыв глаза, увидел её и обнял, уткнувшись мокрым от слёз лицом в её шею, Анна поняла страшную вещь. Она полюбила их. Не как детей босса. Не как милых малышей. А как родных. Безусловно, болезненно, навсегда. Это чувство вросло в неё корнями, пока она отвлекала их от пустоты, заполняя её своими историями, своей заботой, своей любовью.

И у больничной койки: Она стала для Кати подругой, исповедницей. Пока Константин бился с врачами и искал чудо, Анна просто сидела рядом, когда Катя всё больше слабела. Держала её руку и рассказывала о детях. Слушала тихие, полные страха и сожаления монологи: «Я так хочу увидеть, как они пойдут в школу Ань, ты обещаешь, что присмотришь за ними? И что Костя он не сломается совсем?». Анна молча кивала, глотая ком, потому что слов утешения не было. Она видела, как красота и свет покидают Катино тело, но не её душу. И в один из последних дней Катя, глядя на неё мутноватыми от лекарств глазами, прошептала: «Ты наш ангел-хранитель. Прости нас, что взвалили на тебя такую ношу».

Анна не чувствовала себя ангелом. Она чувствовала себя краугольным камнем, на котором держится хрупкий, треснувший мир. И она боялась, что, если пошевелится, всё рухнет.

Катя умерла тихо, на рассвете, в их спальне на вилле, куда её привезли в последние дни. Константин был рядом. Когда

всё кончилось, он вышел из комнаты. Его лицо было не искажённым от горя, а пустым. Совершенно пустым, как выгоревший после пожара дом. Он прошёл мимо Анны, стоявшей в холле, не видя её, и направился в свой кабинет. Дверь закрылась.

И в этой тишине наступила новая эпоха.

Константин ушёл в себя. Не в тихую грусть, а в глухую, непробиваемую скорбь. Он перестал выходить из кабинета. Он не плакал. Он просто сидел. Иногда с бутылкой коньяка, чаще — без. Он не отвечал на звонки. Он не интересовался делами. Его мир уменьшился до одной точки — невыносимой боли, которую невозможно было выразить.

И Анна осталась. Одна. С двумя трёхлетними детьми, которые не понимали, где их мама и что происходит с их папой. С тремя отелями, которые требовали руководства. С пустым местом во главе стола, которое она теперь должна была заполнить собой.

Она не ушла. Не могла. Её собственная мечта о гостинице в горах померкла, стала чем-то нереальным, как детская фантазия. Реальностью были Лера, которая теперь засыпала, только если Аня лежала рядом, и Юра, который молча цеплялся за её платье. Реальностью были кризисные письма от управляющих и замороженные счета.

В тот год она поняла, что её любовь к Константину, тайная и запретная, трансформировалась во что-то большее. В судьбу. В долг. В чувство ответственности, которое было тя-

желее и страшнее любой влюблённости. Она стала матерью его детям и хранителем его мира в его отсутствие.

Он же, в своём кабинете-склепе, почти не замечал её. Она была для него частью обстановки, безотказным механизмом, который приносил еду, отчёты и уводил плачущих детей, когда они стучались в его дверь. Он говорил с ней односложно. «Да». «Нет». «Как скажешь».

И где-то в самой глубине, под усталостью и болью, в Анне начало зреть новое чувство — не горечь, а холодное, безжалостное понимание. Она взяла на себя всё. Но он, человек, ради которого она это делала, даже не видел её. Он видел только дыру в мире, оставленную Катей. И Анна, со всей своей любовью, жертвами и силой, была для него лишь тенью, отбрасываемой краем той дыры. Жить в тени, как она поняла к концу второго года, — это медленное угасание. Но выйти на свет она не могла. Потому что были двое маленьких детей, которые уже не могли без неё. И его разбитая жизнь, которую некому было собрать.

Год закончился. Но впереди были годы той же тени, только теперь — без надежды на то, что хозяин когда-нибудь выйдет из своего склепа и снова станет солнцем.

Глава 5

Третий год стал годом новой, причудливой нормальности. Мир «Бесконечного горизонта» и виллы «Орлиный утёс» привык обходиться без Константина Орлова-прежнего. Привык к тому, что его голосом, волей и мозгом стала Анна.

На работе её авторитет был непререкаем. Когда она входила в переговорную или появлялась в холле отеля с планшетом в руках, сотрудники выпрямлялись, стараясь попасть в поле её внимания. Она говорила тихо, но её слова не обсуждали — исполняли. Она научилась той самой холодной, безэмоциональной эффективности, которую когда-то видела в Константине на пике его сил. Только её эффективность была другой — не от напора, а от глубочайшего знания каждого винтика системы и отчаяния, что, если она остановится, всё развалится. К ней прислушивались не потому, что она была «заместителем хозяина», а потому, что она была компетентнее всех. Она видела цифры, чувствовала рынок, предугадывала проблемы. Её уважали. И немного побаивались.

Дома, на вилле, ей наконец удалось найти ту самую, идеальную няню. Марию Ивановну. Женщину пятидесяти пяти лет, с добрыми, умными глазами и руками, которые умели и пирог испечь, и построить крепость из подушек, и вытереть слёзы, не вызывая жалости. Она была не служащей, а именно бабушкой — той, которой у Леры и Юры, к несчастью, не

было. Родители и Константина, и Кати уже ушли из жизни, оставив детей одних в своём горе. Мария Ивановна заполнила эту пустоту тихими песнями, старыми сказками и непоколебимым спокойствием. Дети, теперь уже четырёхлетние, к ней потянулись. И Анна, впервые за долгое время, смогла выдохнуть, зная, что они в надёжных, любящих руках, даже когда её нет.

Как-то раз, застав её за составлением квартального отчёта в его же кабинете, Константин, бледный и невыспавшийся, произнёс, глядя в стену:

— Подними себе зарплату. В три раза. Ты давно работаешь за троих.

Он сказал это без эмоций, как констатацию факта. Не благодарность, а просто оценка её рыночной стоимости. Зарплата и вправду стала «неприличной». Деньги, которые она теперь получала, были суммой, о которой она в Сочи не могла и мечтать. И Анна, всегда практичная, начала их вкладывать. Не в наряды или развлечения — у неё не было на это ни времени, ни желания. Она вложила их в мечту. В мини-гостиницу. Она отправляла деньги родителям, а они строили и развивали бизнес.

Теперь её вечера, после того как дети засыпали, а Константин закрывался у себя, были заняты видео-звонками с отцом. Она изучала их отчёты, давала советы по маркетингу, по оптимизации затрат, по созданию того самого «ощущения», о котором говорил Константин. Она помогала сделать

сайт, настроить систему бронирования. Её родители, видя её уверенность и знание, слушались. Маленький семейный бизнес начал приносить прибыль, впервые за много лет. Это была её отдушина. Её маленький, личный островок будущего, который она строила втайне ото всех. Параллельно с тем, что держала на плаву огромный, чужой корабль.

А Константин Константин провёл этот год как тень себя прежнего. Он не был агрессивен, не был плаксив. Он был пуст. Он выходил из своей комнаты, чтобы поесть, иногда — чтобы мельком увидеть детей перед сном. Он мог целый день сидеть на террасе, глядя на море, не двигаясь. Его энергия, его амбиции, его жажда жизни — всё это, казалось, умерло вместе с Катей. Деньги, которые раньше были инструментом и мерой успеха, потеряли всякий смысл. «Зачем? — будто спрашивал его каждый взгляд. — Если они не могут купить жизнь, они ничего не стоят».

Всё изменилось в день первой годовщины смерти.

Он провёл его один, с бутылкой коньяка в запёртом кабинете. Анна, уложив детей, слышала приглушённые звуки — не плач, а что-то похожее на глухой, животный стон, который вырывался наружу сквозь зубы. Она не лезла. Наутро она нашла его там же, спящим на диване, в одежде, с опустевшей бутылкой на полу.

И тут в ней, годами копившееся напряжение, усталость, страх за него и за детей, прорвалось наружу. Она не кричала. Её голос был низким, хриплым от бессонницы и ярости.

— Довольно! — сказала она, заслонив собой свет из окна. Он прикрыл глаза, отворачиваясь. — Слышите меня, Константин? Довольно! Год! Целый год вы хороните себя живо! А они там растут! Лера вчера спросила у Марии Ивановны, папа когда-нибудь перестанет болеть? Они не понимают вашего горя! Они понимают, что отца у них НЕТ! Няня не заменит отца. Я — не заменю! Вы нужны им живым, а не этим призраком, который изредка появляется в коридоре! Вы думаете, Катерина хотела бы этого? Чтобы вы сломались, а дети выросли сиротами при живом отце?

Он поднял на неё глаза. Впервые за долгое время в них, сквозь похмельную муть, мелькнуло не пустое отчаяние, а искра — стыда? Гнева? Осознания?

— Не смей — сипло начал он.

— Смею! — парировала она, не отступая. — Потому что меня некому остановить! Я одна тут за всех! И я устала! Очнитесь! Хоть ради них!

Она развернулась и вышла, хлопнув дверью. Сердце колотилось как бешеное. Она боялась, что перегнула, что он её сейчас уволит, вышвырнет из их жизни. Но часть её надеялась, что хоть что-то пробьёт эту броню.

И — пробило.

Не сразу. Не в тот же день. Но через неделю она заметила перемены. Он стал выходить к завтраку. Сначала молча, потом — начал задавать детям вопросы: «Что сегодня делали?». Он стал проводить с ними вечера, читать им те самые

сказки, которые раньше читала она. Сначала по пятнадцать минут, потом — по часу. Он стал смеяться. Редко, несмело, но смеяться в ответ на их дурачества.

Стал иногда появляться в офисе. Приходил, садился в свой кабинет, просматривал отчёты, которые Анна готовила для него больше для формальности. Он видел, как всё отлажено, как работает без его участия. И на его лице читалось не облегчение, а странная потерянности. Его амбиции по захвату всего черноморского побережья умерли. Зачем строить империю, если некому её посвятить? Если она не защищает от самого страшного?

Он стал другим. Не прежним стремительным орлом, а скорее крупной, спокойной птицей, которая облетает свои владения, но не стремится завоевывать новые. Он доверял Анне. Полностью. И это доверие было и наградой, и новой цепью.

Анна видела, как он оживает для детей. И это наполняло её теплом. Но она же видела, как его глаза скользят по ней, не замечая. Как он благодарен, но не видит её — женщину, которая три года без остатка отдала себя ему и его семье. Он видел идеальный механизм. Надёжную опору. Другую «Марию Ивановну», только в деловой юбке.

И где-то в глубине, под гордостью за спасённый бизнес, под нежностью к детям, под благодарностью за его медленное воскрешение, зрело холодное семя. Она построила ему новую жизнь. Но где в этой жизни место для неё самой? По-

ка что — только служебное, у стола в его кабинете и на краю детской кровати. А её собственная жизнь, её мечта о простой человеческой близости, о любви, которая будет обращена к ней — оставалась где-то там, в глубоких уголках её души.

Глава 6

Прошло ещё два года. На вилле «Орлиный утёс» воцарился ритм, который со стороны можно было бы назвать счастливым. Константин почти стал прежним — тем, каким его помнила Анна с самого начала. Он научился снова шутить, его смех, низкий и раскатистый, снова иногда звучал в коридорах. Он водил Леру и Юру, теперь уже шестилетних бойких близнецов, в подготовительную школу и на кружки, сам проверял уроки, строил с ними шалаши в саду и нырял с ними в море. Он был прекрасным, внимательным отцом. Почти идеальным.

Но почти — не значит полностью. Анна, наблюдающая за ним все эти годы, видела то, чего не видели другие. Его глаза. В минуты, когда он думал, что на него никто не смотрит, в них поселялась всё та же, непроходящая, тихая грусть. Как глубокое дно у спокойной на поверхности воды. Он ожил для мира, для детей, но какая-то важная его часть осталась рядом с памятью о Кате. Он научился с этим жить, но не расстался.

Работу он по-прежнему доверял Анне. Полностью. «Бесконечный горизонт» функционировал как швейцарские часы, и он, появляясь в офисе раз в неделю-две, лишь кивал, просматривая её безупречные отчёты. Часто, проходя мимо её кабинета, он останавливался в дверях и говорил, глядя на

неё с той смесью уважения и глубокой, невысказанной благодарности, которая сводила её с ума:

— Знаешь, Аня, это было самое правильное решение в моей жизни. Взять тебя на работу. Ты спасла всё. Меня, детей, бизнес.

Она в ответ лишь улыбалась, опуская глаза в бумаги, чтобы он не увидел, как от этих слов у неё сжимается сердце. «Спасла всё. Кроме себя», — думала она.

И вот наступил день. Третья годовщина. Воздух на вилле с утра был другим — густым, тяжёлым, несмотря на солнце и смех детей, которых Мария Ивановна постаралась увести на целый день на пикник. Константин исчез в кабинете с утра. Анна знала, что там есть бутылка коньяка. Такая же, что и в прошлые разы. Она пыталась работать, но мысли путались. Вечером, закончив все дела, она поняла, что не может просто уйти. Она должна заглянуть. Сказать хоть что-то перед уходом.

Она постучала и вошла без ответа. Он сидел в кресле, в полумраке, при свете одной настольной лампы. Пустая бутылка лежала на боку на ковре. От него тянуло алкоголем и безысходностью.

— Константин Игоревич, я уезжаю. Вам хватит уже пить. Завтра утром детям нужен отец.

Он медленно поднял на неё голову. Его взгляд был мутным, но в нём тлела какая-то горькая искра.

— Уезжай, — просипел он. — Уезжай к своей нормаль-

ной жизни. Ты не знаешь не знаешь, что значит жить, когда половина тебя мертва. Когда самый важный человек в твоей жизни просто исчезает. И остаётся только эта дыра. Ты не знаешь.

Боль, которую она сдерживала годами, смешалась с яростью от его слепоты и выплеснулась наружу. Она сделала шаг вперёд.

— Не знаю? — её голос зазвучал резко, срываясь на высокой ноте. — Я-то прекрасно знаю! Я знаю, что значит жить с дырой внутри! Каждый день! Пять лет! Пять лет я люблю человека, который смотрит сквозь меня, как сквозь стекло! Который благодарен, как хозяин слуге, и не видит, что перед ним живая женщина, которая готова отдать за него всё! Вот что значит жить с дырой! С дырой надежды, которой никогда не суждено сбыться!

Он замер. Алкогольный туман в его глазах, казалось, на мгновение рассеялся, сменившись шоком. Он тяжело поднялся, пошатнулся и сделал шаг к ней. Он казался в этот момент ещё больше, заполняя собой всё пространство кабинета.

— Что?.. — выдавил он. — О ком ты?..

— О ТЕБЕ! — крикнула она, и слёзы, наконец, хлынули по её щекам. — О тебе, слепой, глухой, прекрасный идиот! Я влюбилась в тебя в первый же день! И с тех пор только и делаю, что люблю тебя! Помогаю тебе, спасаю твоих детей, целую твои раны, а ты ты даже не видишь меня!

Он смотрел на неё, на её трясущиеся плечи, на лицо, искажённое болью, которое он, кажется, видел впервые. Его рука, неуверенно, поднялась и коснулся её мокрой щеки.

— Откуда тебе, лесному эльфу знать о таких человеческих страданиях? — пробормотал он, и в его голосе была не насмешка, а изумление, смешанное с какой-то новой, пронзительной болью.

— Я давно уже не эльф, — прошептала она, закрывая глаза. — Я стала человеком. Со всеми своими проблемами. Своей безответной, никчёмной любовью.

Он наклонился. Его дыхание, с запахом коньяка, коснулось её лица.

— Как можно не любить тебя? — прошептал он, и это был уже не вопрос к миру, а к самому себе. — Такую маленькую. Такую сильную. Такую нежную. Такую красивую.

И он поцеловал её.

Это не был поцелуй утешения или благодарности. Это был поцелуй-взрыв. Поцелуй-отчаяние. Поцелуй двух одиноких душ, уставших от боли, нашедших на миг забвение не в алкоголе, а в другом человеке. В нём была ярость — против судьбы, против смерти, против самих себя. В её ответе — годы подавленного чувства, жажда быть наконец замеченной, хоть так, хоть в этом безумии.

Он притянул её к себе так сильно, что у неё перехватило дыхание. Его руки, огромные и горячие, скользили по её спине, сминая ткань платья. Она отвечала с той же силой,

впиваясь пальцами в его волосы, прижимаясь к нему всем телом, пытаюсь стереть границу между ними. Это было не любовью. Это было падением. Стремительным, головокружительным, страстным.

Они рухнули на широкий кожаный диван. Их движения были лишены нежности, в них было только жадное, отчаянное желание забыться, соединиться, доказать, что они живы. Всё происходило в молчании, нарушаемом лишь прерывистым дыханием и скрипом дивана. И когда пик этого отчаянного соединения был достигнут, раздался громкий, сухой треск, и диван под ними просел, сломавшись под их весом и неистовством.

Наступила тишина. Глубокая, томительная. Константин лежал, прижав её к себе, его лицо было упёрто в её шею. И через несколько секунд его дыхание стало ровным, тяжёлым. Он заснул. Вырубился, как отключённый прибор, обессиленный алкоголем, горем и этой странной, яростной близостью.

Анна лежала неподвижно, чувствуя тяжесть его тела, тепло его кожи. Внутри была пустота. Не радость, не триумф. Пустота и стыд. Для него это был лишь эпизод в море горя, ещё один способ забыться. Для неё — это было всё.

Осторожно, стараясь не разбудить, она выбралась из-под его руки, из обломков дивана. Поправила разорванное платье. Посмотрела на его спящее лицо — теперь умиротворённое, почти безмятежное, будто он нашёл наконец покой. Ей стало невыносимо больно.

Она вышла из кабинета, прошла по тёмному дому, села в свою машину и уехала к себе, в маленькую квартиру в Геленджике, которую она снимала все эти годы, но где почти не бывала. Она стояла под холодным душем, пытаясь смыть с себя его запах, его прикосновения, своё унижение. Но смывалось только мыло. Остальное — впитывалось навсегда.

А в кабинете, на сломанном диване, Константин во сне потянулся к пустому месту рядом и что-то пробормотал. Возможно, имя Кати. Возможно — другое. Но узнать это ему было не суждено. Утро должно было принести лишь похмелье, сломанную мебель и смутное, стыдное ощущение, что вчера он перешёл какую-то грань, но какую теперь не мог вспомнить.

Глава 7

К полудню следующего дня Анна собрала всю свою волю в кулак, взяла папку с неотложными документами и поехала на виллу. Дорога казалась бесконечной. Каждый поворот напоминал о ночи, которую хотелось стереть из памяти, но тело помнило каждое прикосновение, каждый поцелуй, звук трескающегося дивана. Она чувствовала себя опустошённой и обманутой. Обманутой не им, а собственными надеждами.

Она вошла в дом. Тишина. Дети с Марией Ивановной были на пляже. Она прошла к кабинету, постучала и, не дожидаясь ответа, вошла.

Константин стоял у окна, спиной к двери, в помятой футболке и тренировочных штанах. Волосы были всклокочены, плечи напряжены. Он обернулся, увидел её, и на его лице мелькнуло что-то вроде облегчения, смешанного с неловкостью.

— Анна. Хорошо, что ты приехала. Документы?

Он говорил обычным, слегка хриплым с похмелья голосом. Деловым. Отстранённым. В его глазах не было ни капли осознания, ни стыда, ни вопроса. Только усталость и туман.

— Да, — её собственный голос прозвучал удивительно ровно, будто кто-то другой говорил за неё. Она положила папку на стол. — Три контракта на подпись, отчёт по «Лазурному» за прошлый месяц. Всё срочно.

Он кивнул, подошёл к столу, начал механически листать бумаги. Потом, не поднимая глаз, произнёс:

— Вчера я, кажется, переборщил. Голова раскалывается. И мне снился странный сон.

Анна замерла, чувствуя, как пол уходит из-под ног.

— Сон? — повторила она чуть слышно.

— Да. Бредовый какой-то, — он провёл рукой по лицу. — Будто бы будто бы ты была там. Или не ты лесной эльф какой-то, — он неуверенно усмехнулся, наконец взглянув на неё. Его взгляд был чист, как у ребёнка. Совершенно чист. — В общем, проснулся я тут, на диване. Который, кстати, сломался. От моего веса, наверное. Аня, скажи честно Мне надо худеть?

Он спросил это с такой искренней, почти детской озабоченностью, глядя на развалины мебели, что у Анны внутри всё оборвалось. Не гнев. Не боль. Полное, леденящее оцепенение. Он не просто не помнил. Он превратил её признание, её боль, их отчаянную близость — в «странный сон про эльфа». А диван сломался «от его веса». Воспоминания растворились, как дым. То, что для неё было землетрясением, для него оказалось несварением желудка.

Она стояла, не в силах пошевелиться, не в силах издать звук. Казалось, ещё секунда — и она развалится на кусочки прямо здесь, на этом глянцевом паркете.

— Аня? — он нахмурился, заметив её бледность и остекленевший взгляд. — Ты в порядке? Похоже, вчера не я один

перебрал.

Его шутка, добродушная и абсолютно слепая, стала последним толчком. Лёд внутри треснул, но не оттаял. Он превратился в холодную, зеркальную гладь. Защитную плёнку.

— Я я закажу новый диван, — выдавила она, и слова нашли дорогу сквозь онемение. — И нет. Худеть вам не надо. Вы вы хорошо выглядите.

Она произнесла это как отчёт, без интонации. Но для него, привыкшего к её деловому тону, это прозвучало как комплимент. Неожиданный и оттого особенно ценный. Он смутился. По-настоящему. Отвёл взгляд, потёр затылок, и на его скулах выступил лёгкий румянец.

— Ну спасибо, — пробормотал он. — Ты тоже то есть, ты всегда выглядишь хорошо.

Этот жалкий, неловкий ответ, этот детский румянец на лице взрослого, красивого мужчины — добил её. В этом не было ни капли той страсти или хотя бы осознания произошедшего. Была лишь обыденная, почти комичная неловкость перед сотрудницей, которая сделала ему комплимент.

В этот момент решение, зревшее годами, кристаллизовалось. Оно стало твёрдым, как алмаз, и холодным, как лёд. Ей двадцать восемь лет. Она одинока. Она отдала пять лет жизни, любви, сил этому человеку, этому дому, его детям. И что она получила? Огромную зарплату, которую не на что тратить. Уважение, которое не греет ночью. И один раз — позорную близость, которую он даже не удосужился запом-

нить.

Пока она здесь, пока она дышит этим воздухом, видит его каждый день, она никогда не вырвется из этой ловушки. Её мечта о своей гостинице в горах так и останется мечтой. Её мечта о простом женском счастье, о семье, о любви — умрёт, задушенная его проблемами и её собственным безмолвным служением.

«Всё. Хватит, — прозвучало внутри с кристальной ясностью. — Я уезжаю».

Осталось только выбрать момент. Сказать ему так, чтобы не было возможности её переубедить, разжалобить, купить. Сказать, когда он будет в форме, когда рядом будут другие люди, которые смогут его поддержать. Алексей с Ладой, например. Их приезд планировался через пару дней. Это будет идеально.

— Если всё, то я поеду, — сказала она, уже отстраняясь, превращаясь обратно в идеального, бесполого ассистента. — Диван закажу сегодня. К четырем будет готов отчёт.

— Хорошо, — он кивнул, уже снова погружаясь в бумаги. Потом добавил, не глядя: — И спасибо ещё раз. За всё.

Она вышла. Солнце на улице било в глаза, но она не чувствовала его тепла. Она долго сидела в машине, глядя на белоснежную виллу, которая была и тюрьмой, и домом, и самой большой ошибкой её жизни. Глаза были сухими. Слёз больше не было. Было только холодное, безжалостное решение.

Наконец завела мотор и уехала, чтобы начать последние приготовления к своему побегу. К возвращению к себе. Даже если это возвращение будет самым болезненным шагом в её жизни.

Глава 8

Анна не была бы собой, если бы не продумала отступление на пять ходов вперёд.

Она приехала на следующий день в офис «Бесконечного горизонта» на рассвете. Пустой, гулкий, ещё пахнувший ночной уборкой. Её кабинет был образцом порядка. Села за компьютер и написала заявление об увольнении по собственному желанию. Распечатала. Подписала. Чёрные буквы на белом листе выглядели как приговор.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.